

Андрей СОЛОДЯНКИН (г.Радужный, Владимирской обл.) **РЕФАИМ**

Собака восемьдесят четвертый год подряд приходила на могилу своего хозяина, профессора математики. Говорили, что она прятала в могиле кости, но я этому не верил. Однажды прозвучало предположение, что она жаждала добраться до костей покойного, но это нелепое замечание сразу отвергли. Признать в ней какую-либо породу было трудно, собака была очень стара. Средние размеры, вислоухие уши и плохо различимые подпалины на вылинявшей шкуре указывали на ее охотничье происхождение, предположительно легавой или гончей породы. Дети называли ее Бертой. Возможно, это была ее настоящая кличка, полученная еще от профессора. Дети подкармливали ее, приносили из дома бутерброды, которые собака тут же съедала. Вскоре собаки не стало. Труп ее не был найден, и все решили, что она издохла где-то в лесу, где обычно пряталась от палящего солнца. Что продлевало ей жизнь? Может быть неизгладимая тоска, а может, непреходящая жажда невозможного?

Когда у меня впервые возникла мысль попросить небеса о ниспослании мне чудесной силы, я уже не помню. Но как сказано: «Ищите, да обрящете!». Уже весной я почувствовал новое необычное ощущение чего-то переливающегося в голове и возникшего затем состояния физического комфорта. Мысли все реже и реже посещали меня, их круг сузился до банальных бытовых вопросов, а потом и вовсе исчез. Тогда-то я заметил, что стал увереннее, что у меня обострилось зрение и слух, что я стал разборчив в еде, предпочитая всем продуктам мясо, а, самое главное, я стал меняться внешне. У меня слегка удлинились уши и на них, что мне тогда очень не понравилось, выросли волосы, что-то вроде кисточек у рыси. Бриться я стал чаще, два-три раза в

день: утром перед работой; сразу после смены; и на ночь, перед сном, хотя последнюю процедуру я иногда пропускал. Необходимость во сне резко сократилась, практически я и не нуждался в нем. Постоянная бодрость принесла плоды — мои успехи в работе привлекли внимание начальства. Шеф вызвал меня в свой кабинет, усадил напротив и восторженно воскликнул: «Не ожидал от тебя, Самарин, не ожидал! Слушай, ты что вечером делаешь?»

— Не знаю, — ответил я тогда поспешно, хотя намеревался остаток дня провести в тренажерном зале.

— В «Метелице» был?

— Нет.

— Ты что, по ночным клубам не ходишь?

— Ни разу не был.

— Сегодня в десять у входа. И чтобы при параде, рубашку стильную найди, брюки с люреksom, понял?

— Попробую.

— В двадцать два у «Метелицы»!

Дома после смены я долго брился, гладил рубашку и брюки, брюки были с отливом, я часто сверял свой внешний вид с отражением в зеркале. К назначенному времени я был у клуба.

— Отлично, Самарин, смотрю, ты спортивную форму поддерживаешь?

— Да, стараюсь понемногу.

— Молодец, фирме такие нужны!

В клубе царил полумрак, но мое зрение улавливало мельчайшие детали. Ритмичные мелодии часто сменяли друг друга, но это не казалось мне чем-то навязчивым и утомляющим.

— Выпьем по маленькой! — предложил начальник и угостил меня стопкой водки. После первого же глотка внутренности обожгло, и это ощущение сохранялось еще долгое время.

— Нравится? — спросил шеф осматриваясь.

В ответ я лишь пожал плечами. Ничего грандиозного в клубе я не увидел.

— Не робей, пойдись с девушкой познакомься. Вон их сколько танцует, — предложил начальник.

Действительно, в центре зала танцевало несколько девушек, однообразно покачиваясь под монотонный ритм. Рассмотрев их, я отметил одну, и решил танцевать только с ней. Движения ее отличались четкой пластикой и были более разнообразными по сравнению с остальными танцующими. Вскоре мы познакомились, и на весь вечер я стал ее единственным партнером по танцам. Странно, но азарта, который раньше возникал у меня при виде сексапильной девушки, не было. Но ее откровенные намеки были столь выразительны, что я пригласил девушку домой. Я знаю, что не был поглощен страстью,

но девушка была в итоге полностью удовлетворена. Во всяком случае, это читалось на ее лице, по которому была разлита нега и блаженство. А у меня от этой встречи остались в памяти ощущение стойкого запаха женских духов и постоянно присутствующей в воздухе спиртовой отдушки, из-за которых мне приходилось часто задерживать дыхание. С тех пор единственным мерилom женской привлекательности стал для меня запах духов, а точнее, его отсутствие.

Работа у меня по прежнему «горела», и начальник уже хотел сделать меня своим заместителем, но я, наконец, понял, что это не мое. Несмотря на долгие уговоры, я все-таки уволился. К тому времени у меня уже был план дальнейших действий, мне срочно захотелось уехать на стройку в Сочи, к морю. И через неделю в составе бригады рабочих-волонтеров я прибыл на черноморское побережье.

Море поразило меня своим размахом — грандиозное, бескрайное. Стихия, с которой интересно бороться. Днем я работал, работал, перевыполняя все мыслимые нормы, за что мне хорошо платили, а после смены шел в море и плавал. Плавал долго, без устали, по два-три часа. Самым лучшим для меня было время штормов, когда приостанавливалось судоходство и пустели пляжи. Тогда я заходил в море и плыл навстречу волнам, преодолевая их и себя, и это было то самое, чего мне так не хватало. Я узнал, что где-то в океане есть волны огромной силы, попасть туда стало моей мечтой.

К началу зимы я накопил уже достаточно денег, уволился, купил путевку на один тропический остров, и вылетел туда на следующий же день.

Океан сразил меня еще больше, чем море — это было мое. Но место, где я оказался, было относительно спокойным, штормы здесь бывали редки. Тогда я решил плыть, привязав к спине флягу с водой. Я плыл пять суток без остановки, пока не почувствовал приведшую меня в дрожь волну, это был край тропического шторма. Я плыл, а волны все усиливались и усиливались, пока я не оказался в самом эпицентре стихии. Это было прекрасно. Помню, что я был счастлив. Когда шторм прошел, я почувствовал себя усталым, каким не был уже несколько месяцев. Усталость была приятна.

Потом, в течение остатка зимы и всей весны, мне еще несколько раз удавалось побывать в шторме, каждый раз я чувствовал долгожданную усталость, которая становилась все больше и больше, и, наконец, я решил — пора домой. Деньги я почти не тратил — ведь спал на берегу и питался пойманной рыбой и моллюсками. Их хватило на обратный

перелет.

И вот в начале лета я в своей московской квартире — практически без денег, без работы... От чего моя печаль? Когда я смотрю в зеркало, то вижу в нем постаревшего изнуренного мужчину, покрытого морщинами и сединой. Правда, ко мне вернулась способность мыслить и я даже кое-что записал...

Но где моя молодость? Где она!? Что теперь? Надеюсь, небеса меня снова услышат.

Как говорится: «Ищите, да обрящете».